

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. Н. ГВОЗДЕВ

О ЗВУКОВОМ СОСТАВЕ МОРФЕМ

Вопрос о звуковом составе морфем или затрагивается частично и попутно, преимущественно в фонологическом плане, или совсем не рассматривается, причем как бы предполагается, что в этом отношении все ясно. Поэтому требуется систематическое его рассмотрение, которое показало бы относящиеся к нему разнообразные факты и наметило бы пути их объяснения с единых позиций.

Вопрос о звуковом составе морфем состоит в выяснении того, какую роль звуковая сторона играет в функционировании морфем, в какой мере она способствует или препятствует выделению морфем, их разграничению, установлению тождества одной морфемы; в последнем случае подлежит установлению, обладает ли единая морфема неизменным звуковым составом или в каких-то пределах допускается его изменчивость, не приводящая к нарушению единства морфемы.

Как должны решаться эти вопросы? Что должно служить основой, исходным пунктом, чтобы решение поставленных вопросов соответствовало тому, к чему в этом отношении обязывает языковая система? Очевидно, следует исходить из понятия м о р ф е м ы, из учета того, как морфемы функционируют в языке. Как известно, морфема является простейшей значимой единицей языка, характеризующейся в разных случаях употребления известной общностью как со стороны значения, так и со стороны звукового выражения. Морфемы не употребляются самостоятельно, а используются в качестве элементов слов. Членение слов на морфемы осуществляется вследствие того, что язык располагает рядами слов однородной структуры, в которых в разных сочетаниях встречаются одни и те же лексические или грамматические значения и соответствующие им одни и те же сочетания звуков [*осин-к-а*: 1) *осин-а*, *осин-овый*, 2) *гор-к-а*. *мыш-к-у*. 3) *рыб-а*, *ног-а*]. Такое расчленение слов на морфемы основано на взаимоотношениях между сосуществующими элементами языковой системы, и, таким образом, связано с синхронным рассмотрением языка. Известная самостоятельность морфем и проявляется в том, что говорящие используют их как конструктивные элементы для образования слов и форм; это с полной очевидностью обнаруживается в новообразованиях (*нов-о-куйбышев-ц-ы*). Такие морфемы, которые являются конструктивными элементами в системе современного языка, составляют разряд продуктивных морфем; они по существу и представляют характерные, типичные проявления системы языка в области словообразования и словоизменения. Непродуктивные морфемы относятся к пережиточным элементам, не дающим представления о действующих морфологических закономерностях. Поэтому при решении вопроса о звуковом составе морфем следует учитывать те фонетические явления, которые наблюдаются в продуктивных морфемах.

В связи с этим необходимо затронуть вопрос о т о ж д е с т в е м о р ф е м. Так как морфемы употребляются в разных сочетаниях и в разных условиях, оказывающих те или иные воздействия на морфему, внося в нее изменения семантического или фонетического характера, то и требуется установить, какие из этих изменений не нарушают единства морфе-

мы (и она остается тождественной). а какие, наоборот, приводят к разрушению ее единства.

Имея в виду, что морфема является значимой морфологической единицей языка и выступает в известных парадигмах или словообразовательных типах носительницей известного лексического или грамматического значения, можно сказать, что основным условием ее тождества служит сохранение этих присущих ей функций. Поскольку в разных условиях употребления морфема выполняет свойственные ей функции, появляющиеся при этом расхождения не нарушают единства морфемы.

Особенно показательный и объективный материал в этом отношении представляют неологизмы из продуктивных морфем. При их создании говорящие используют морфемы в присущих им функциях; это подтверждается непосредственной понятностью подобных новообразований и, таким образом, нет сомнений в том, что единство морфем не нарушается, хотя в них нередко наблюдаются известные отклонения от того оригинала, которым воспользовался говорящий. Например, в новообразовании *жизнерадостной рыжизной* (К. Федин, Необыкновенное лето) нельзя сомневаться, что имеется: 1) тот же корень, что в прилагательном *рыжий*, хотя эти варианты различаются по ударению; 2) тот же суффикс, что в словах *белизна, желтизна*, хотя вместо *изн* здесь произносится *ызн*; 3) то же окончание, что в словах *стенной, книгой*. Новообразования подобного типа и привлекаются в дальнейшем для выяснения того, как функционируют в языке морфемы. К ним присоединяются новообразования детей младшего возраста (от 2 до 8 лет), которые отличаются непосредственностью, а кроме того, дают возможность выяснять становление разного рода закономерностей в использовании морфем¹.

Для выяснения того, какую роль в функционировании морфем играет звуковой состав, прежде всего важно учитывать существующие в морфеме отношения между значением и звуковой стороной. Оба эти элемента — внутренний и внешний — необходимы и взаимосвязаны; одного из них недостаточно. Так, слово *дымок* членится на *дым-ок* вследствие наличия в других сочетаниях элементов с тем же значением и звуковым составом: *дым-* (*дым, дымный*), *-ок* (*дубок, сырок*), а слово *висок* в современном языке нерасчленимо из-за отсутствия распада по значению, хотя в звуковом отношении оно может быть разделено на *вис-ок*. Слова *поразит* и *паразит*, произносимые одинаково *пъраз'йт*, разнородны по морфологическому составу: первое членится *пъ-раз'-йт*, второе является цельным. Наличие отношений по значению, без соответствующего звукового выражения, также не дает повода для морфологической членимости. Так, до известной степени отношения между словами без суффикса и с суффиксом уменьшительности (*дуб — дубок*) аналогичны отношениям названий предметов, различающихся по величине: *река — ручей, гора — холм, лес — роща, ураган — ветер*, но ни о каких морфемах со значением уменьшительности в таких случаях вопроса не возникает.

Вследствие того, что морфемы не встречаются изолированно, а употребляются только в словах, возникает вопрос, не существует ли фонетических показателей делимости слов на морфемы. Ответ будет отрицательный. Так, произносятся совершенно одинаково слова с различной морфологической делимостью: *бстръвъ* = *остров-а* и *остр-ого*; *прастой* = *прост-ой* (человек), *пр-стой* (вагонов); *дъл'у* = (синющие) *дал-и*, (ребенку) *да-ли* (мяч); *пал'ей* = *полей* (цветок), (простор) *пол-ей*; *трут* = *трут* (и огниво), (башмаки) *тр-ут*; *падл'ей* = *под-лей* (воды), *подл-ей* (сравн. степень от *подлый*); *пр'идв'инут* = (стол был) *при-дв-*

¹ Вопрос об использовании детских новообразований для выяснения того, как функционируют в языке морфемы, рассматривался нами в статье «Значение изучения детского языка для языковедения» («Родной язык и литература в трудовой школе», 1938. № 3, 4—5).

ну-т (к стене), (завтра его) *при-дви-н-ут* (к окну); *ст'е'кл'о* = (зеркальное) *стекл-о*, (вино) *с-тек-л-о* (в блюдо). Приведенная делимость на морфемы осуществляется на основе значения и соотношения с другими словами.

Как для выделения морфем требуется совместное участие значения и его звукового выразителя и недостаточно одной из этих сторон, так же недостаточно общности только значения или только звукового состава для обеспечения единства морфемы.

Так, с одной стороны, не входят в одну морфему имеющие общее значение, но разный звуковой состав: 1) корни: *глаз* — *ок-о*, *красн-ый* — *ал-ый*, *смех* — *хохот*, *тоск-а* — *скорбь*; 2) суффиксы: *пек-арь* — *стеколь-щик*; *повар-их-а* — *кассир-ш-а* — *радиост-к-а*; *еж-ов-ый* — *лос-ин-ый*; 3) приставки: (соверш. вид) *с-прятать* (прятать) — *по-сеять* (сеять) — *на-писать*; 4) флексии: (дат. падеж ед. числа) *сел-у* — *стен-е*; (род. падеж мн. числа) *стол-ов* — *двер-ей*. Аналогично тому, что такие пары слов, как *глаз* — *око*, признаются синонимами, представляющими разные лексические единицы, и приведенные суффиксы, приставки, флексии признаются с и н о н и м и ч н ы м и морфемами, являющимися разными морфологическими единицами. Морфологическая разграниченность синонимических морфем особенно четко проявляется у флексий, которые входят в различные парадигмы. Так, окончания дат. падежа ед. числа *у* и *е* принадлежат к разным склонениям: *стол* — *стол-а* — *стол-у* и т.д., *стен-а* — *стен-ы* — *стен-е* и т.д. И эта разграниченность целиком относится к морфологии, в синтаксическом отношении формы с этими окончаниями функционируют одинаково (*подошел к столу*, *подошел к стене*).

С другой стороны, при разном значении даже полное совпадение в звуковом составе не создает единой морфемы. В таком случае имеют место о м о н и м и ч н ы е морфемы: 1) корни-омонимы: *вод-ица* — *вод-итель*; *пар-а* (лошадей) — (горячий) *пар*; *вин-о* — *вин-а*, *нос-ик* — *нос-ит*; 2) суффиксы-омонимы: *-к-* (уменьшительность) *гор-к-а*, (женский пол) *цыган-к-а*, (отвлеченное действие) *чит-к-а*; *-ист-* (действующее лицо) *гитар-ист-ы* — (признак) *гор-ист-ы*; 3) окончания-омонимы: *-а* (им. падеж ед. числа) *вод-а* — (род. падеж ед. числа) *стол-а* — (им. падеж мн. числа) *рукав-а*; *-у* (дат. падеж ед. числа) *стол-у* — (вин. падеж ед. числа) *кор-у* — (1-е лицо глагола) *нес-у*. И в этом случае омонимичные морфемы разграничены вхождением в разные парадигмы и словообразовательные типы.

Таким образом, сам по себе звуковой состав, без общности в значении, не может обеспечивать единства морфем, как и их отграничение от соседних в слове морфем. Поэтому нельзя признавать состоятельными попытки рассматривать морфемы, исключая присущее им значение. Очевидно, так или иначе, вопреки декларациям, учет значения проникает в подобные концепции.

Если одна звуковая сторона не обеспечивает выделения морфем, то какой звуковой состав, при наличии значения, достаточен для того, чтобы морфема выделялась и функционировала? Прежде всего следует отметить, что на основе существующих в языке соотношений и противопоставлений иногда грамматические значения обходятся для своего выражения без звукового состава. Это так называемые нулевые флексии. Хотя по функции они сходны с морфемами, но следует присоединиться к общепринятому взгляду, что они представляют особую категорию по сравнению с морфемами. Выражение грамматического значения в таком случае осуществляется не особым элементом слова, как в морфемах, а основой, имеющей свое, качественно иное (лексическое) значение, в ее соотношении с той же основой в сочетании с морфемами (флексиями), выражающими соотносительные с нулевой флексией грамматические значения. Поэтому в случаях с отрицательной флексией грамматическое значение получает выражение не в особой разновидности морфем, а в отсутствии морфем. Морфемы же, таким образом, обладают звуковым выражением.

Легко видеть, что звуковой состав морфем в количественном отношении включает в качестве минимума один звук — гласный: *нес-и, сел-о, у-пал, гор-е-л*, или согласный: *с-мыл, в-дуть, осин-к-а, кассир-ш-а, бы-л*; обычно же — разного рода сочетания звуков, наиболее значительные в корневых морфемах: *на-мок, стол-ами, страх, молот, систем-а, министр, структур-а*.

С качественной стороны следует остановиться на отношении звукового состава морфем к позициям в связи с тем, что иногда высказывается мысль — для звукового состава морфем важно положение звуков в сильной позиции. И этот вопрос необходимо решать, исходя из функционирования морфем. С одной стороны, имеется немало морфем, все звуки которых (хотя бы при употреблении морфем в разных условиях) относятся к сильной позиции. Таковы корни — *сор-, мук-а*; суффиксы — *сил-ач, дуб-ов-ый*; флексии — *нес-ем, стол-ах*. С другой стороны, есть морфемы, некоторые звуки которых никогда не употребляются в сильной позиции. Таковы корни — *стен-а, чист-* (в них *с* перед глухим *т* не противопоставляется звонкому *з*); суффиксы — *иска-тель* (*-т'ъл'*; гласный этого суффикса не бывает ударным), *искр-ист-ый* (*с* перед глухим *т*): флексии — *прост-ые, ид-ете* (конечные гласные всегда безударны), *сид-ишь, сид-ит* (согласные *ш, т* в конце не противопоставляются звонким). Но такое различие в звуковом составе морфем не отражается на их функционировании в морфологическом отношении: корни, суффиксы, флексии, включающие звуки слабых позиций, выполняют свою роль не хуже, чем корни, суффиксы, флексии, звуки которых принадлежат к сильной позиции. И никем не высказывалось предположений о какой-либо дефектности или недостаточности таких морфем. Даже в случае, когда морфема состоит из одного звука слабой позиции, нет признаков того, что она выполняет свою роль хуже, чем морфемы со звуками сильных позиций. Так, всегда безударное *е(ь)* у слов *киевлян-е, крестьян-е* служит показателем им. падежа мн. числа и является флексией одинаково с ударными гласными *а, ы: доктор-а, бойц-ы*. Поэтому для морфем имеют значение звуки сильных и слабых позиций. (Как будет видно дальше, звуки слабых позиций, естественно, обладают меньшими различительными возможностями.)

Между прочим, имеются проявления того, что отношения звуков в морфемах с морфологической стороны складываются иначе, чем с фонетической. С фонетической стороны, бесспорно, основным вариантом при нескольких является вариант со звуками в сильных позициях: он наиболее дифференцирован; исходя из него, последовательно определяются все возможные варианты со слабыми позициями, например для корня *воз-* устанавливается круг чередований гласных *о — а — ъ* и согласных *з — с, з'*. Наоборот, исходя из слабой позиции, нельзя установить сильную: *тапор — о* или *а?* Отсюда — признание общих вариантов двух фонем или учение о смешанных и слабых фонемах.

В то же время есть основание допускать, что в морфологическом отношении не обязательно главенствует вариант со звуками сильных позиций, а на первый план выступает вариант в чаще употребляемых формах, в своего рода начальных формах, которые служат исходным пунктом для образования других форм. Наблюдаются случаи (хотя и редкие), что, если в такой главенствующей форме морфема имеет звук слабой позиции, а в образуемой от нее форме требуется звук сильной позиции, то он определяется распространенными чередованиями, существующими в этих формах, и этим иногда нарушает соотношение звуков сильной и слабой позиций в данной морфеме. Так, несмотря на наличие ударного *а*, чередующегося с предударным *а* (*а*), в корнях *плат-* (*плат-а — плат-ный*), *сб-* (*посадка*) в личных формах глагола при 1-м лице *плачу* в разговорной речи в других лицах употребляется *плѣт'иш, плѣт'ит, пѣсажѹ — пѣбѣт'ит* (пря литературных *платит, посадит*). Это явление, шире представленное в акающих говорах, и получило объяснение в том, что в этих формах ши-

роко распространено чередование *а — б*: *наиу́* — *но́с'ит*, *хажу́* — *хбд'ит*.

Чередование глухого *с* и звонкого *з* по аналогии распространенных чередований *марбс — марбз'ит*, *навбс — навбз'ит* проникло в просторечный неологизм *хабс — хабз'ит'*, несмотря на *с* в сильной позиции (*хаос-а*). Подобные явления свидетельствуют, что отношения между фонетическими вариантами морфем в парадигмах и словообразовательных типах могут складываться так, что главенствующим оказывается вариант со звуками слабых позиций.

Следующим вопросом является выяснение того, в какой мере при единстве значения для морфем требуется общность звукового состава в разных условиях их употребления, т. е. необходимо ли тождество звукового состава и допустимы в известных пределах расхождения в нем. Как отмечалось, полное расхождение в звуковом составе даже при едином значении препятствует вхождению таких морфологических образований в одну морфему. По характеру расхождений выделяются следующие группы образований: 1) тождественные по звуковому составу, 2) варианты с фонетически обусловленными (позиционными) расхождениями, 3) варианты с историческими чередованиями. И здесь при выяснении границ общности и возможных расхождений звукового состава решающим условием служат наблюдения над функционированием тех или иных вариантов в качестве единой морфологической единицы — без расхождений и осложнений их роли и значения.

1. Не вызывает сомнений то, что встречающиеся в разных случаях тождественные фонетические варианты, выполняющие одинаковые функции и обладающие одинаковым значением, входят в одну морфему; например, корень *лук-* в таких образованиях, как *лук*, *лук-а*, *лук-у*, *лук-овый*, *лук-овка*, *лук-овица*, является одним корнем. Также едины: приставка *в — в-* *носить*, *в-мазать*, *в-рубить*, *в-дуть*, *в-бросить*, *в-дохнуть*; суффикс *-ист-* — *ветв-ист-ый*, *гор-ист-ый*, *пен-ист-ый*, *жил-ист-ый*; флексии *-ом — стол-ом*, *рт-ом*, *пер-ом* и *-ите* (*ит'ь*) — *сбд-ите*, *говор-ите*, *пил-ите* и др. Такие тождественные по значению и по звуковому составу морфемы могут содействовать выяснению единства образований с расходящимся звуковым составом.

2. Сопоставление с морфемами, сохраняющими в разных морфологических условиях тождественный звуковой состав, образований, имеющих в тех же морфологических условиях звуковые расхождения, вызываемые фонетическими факторами, показывает, что эти расхождения не вносят каких-либо изменений в функционирование морфем. Это относится к фонетическим (позиционным) чередованиям, вызываемым действующими фонетическими законами. Например, различие между им. и род. падежом ед. числа передается, с одной стороны, словами, имеющими тождественную основу: *лук*, *нос*, *пот* — *лу́к-а*, *но́с-а*, *по́т-а*, с другой — словам, в основе которых происходит чередование звонкого и глухого согласного: *лук*, *вос*. *гот* — *лу́г-а*, *во́з-а*, *го́д-а*. Это чередование не вносит каких-либо осложнений в выражаемое этими формами отношение между им. и род. падежами, так что чередования *к — г*, *с — з*, *т — д* не выполняют морфологических функций, связанных со значением.

Так же чередования звонких и глухих не вносят каких-либо изменений в образования с суффиксом уменьшительности *-к-*: так, с одной стороны: *л'у́п-а*, *р'е́п-а*, *м'ину́т-а*, *ас'у́н-а* — *л'у́п-ка*, *р'е́п-ка*, *м'ину́т-ка*, *ас'у́н-ка*, с другой: *шу́б-а*, *ка́рбв-а*, *б'еу-р'бз-а* — *шу́п-ка*, *ка́рбф-ка*, *б'еу-р'бс-ка*.

Чередования ударных и безударных гласных также не вносят изменений в функционирование морфем. Так, функции творительного падежа одинаковы у существительных с ударным и безударным окончанием: *стал-бм*, *п'еу-р-бм*, — *дбм-бм*, *гбд-бм*; не меняется роль суффикса *-арь*

от того, оказывается ли он ударным или безударным: *кас-á-р'*, *зван-á-р'* — *к'áс-э-р'*, *п'э-к-э-р'*. Корни при словообразовании функционируют одинаково и тогда, когда они не меняют места ударения, оставаясь ударными: *б'э-нз-а* — *б'рбнз-э-в-эй*, *рбз-а* — *рбз-э-в-эй* или безударными: *сасн-á* — *сасн-э-в-эй* и когда выступают то как ударные, то как безударные: *кл'бн* — *кл'э-н-бэ-эй*, *ч'áс* — *ч'э-с-авбэй*.

Таким образом, в морфологическом отношении между тождественными фонетически образованиями и образованиями с фонетическими (позиционными) чередованиями нет различий, и последние не разрушают единства морфем.

3. Аналогичное сопоставление образований без чередований и с позиционными чередованиями, с одной стороны, и с историческими чередованиями (не всеми, как будет показано ниже) — с другой, показывает, что функции морфем остаются одинаковыми.

Так, наличие исторических чередований задненебных и шипящих не вносит каких-либо дополнительных различий между существительными с суффиксом и с суффиксом уменьшительности и ласкательности *-к-*.

Без чередований	С фонетическими чередованиями	С историческими чередованиями
<i>л'áп-ка</i>	<i>ш'уб-а</i> — <i>ш'уп-ка</i>	<i>дуг-á</i> — <i>д'уш-ка</i>
<i>м'иш'ит-ка</i>	<i>карб-а</i> — <i>карб'ф-ка</i>	<i>рук-á</i> — <i>р'уч-ка</i>
<i>кáш-ка</i>	<i>б'э^uр'бз-а</i> — <i>б'э^uр'бс-ка</i>	<i>м'уш-а</i> — <i>м'иш-ка</i>

Так же одинаково выражается различие между существительным и прилагательным в образованиях с суффиксом *-н-* без чередований, с позиционным чередованием твердых и мягких согласных и с историческим чередованием задненебных и шипящих:

Без чередований	С позиционными чередованиями	С историческими чередованиями
<i>фстр'эч'э-ть</i> — <i>фстр'эч'нэй</i>	<i>бур'э</i> — <i>бур'нэй</i>	<i>дарог-э</i> — <i>дарбж-нэй</i>
<i>л'ыж-ы</i> — <i>л'ыж-нэй</i>	<i>кон'</i> — <i>кбн-нэй</i>	<i>ус'н'эх</i> — <i>ус'н'еш-нэй</i>
<i>пл'э</i> — <i>пл'э-нэй</i>	<i>м'ет'</i> — <i>м'эд-нэй</i>	<i>йук</i> — <i>й'уж-нэй</i>

Не осложняет различий между 1-м и 3-м лицами глагола наличие позиционных чередований гласных (ударных и безударных: *о* — *А*, *е* — *э*) и исторических чередований (шипящих и зубных, а также губных и гласных):

Без чередований	С позиционными чередованиями	С историческими чередованиями	С позиционными и историческими вместе
<i>стуч'-йт</i>	<i>л'э^uч'-йт</i> — <i>л'эч'-ит</i>	<i>л'э^uч'-йт</i> — <i>л'э^uт'-йт</i>	<i>св'э^uч'-у</i> — <i>св'эт'-ит</i>
<i>н'эж-ит</i>	<i>тач'-йт</i> — <i>тбч'-ит</i>	<i>в'йж-у</i> — <i>в'йд'-ит</i>	<i>важ-й</i> — <i>вбд'-ит</i>
<i>л'эдл'-ит</i>	<i>ган'-йт</i> — <i>гон'-ит</i>	<i>стáл'-у</i> — <i>стáв'-ит</i>	<i>каш-й</i> — <i>кбс'-ит</i>
<i>снэл'-йт</i>	<i>сматр'-йт</i> — <i>смбтр'-ит</i>	<i>к'рáш-у</i> — <i>к'рás'-ит</i>	<i>л'э^uш-й</i> — <i>л'эс'-ит</i>

Поэтому исторические чередования указанного типа не нарушают единства морфем. При этом указанные чередования составляют действующие закономерности морфологической структуры современного языка. Это подтверждается тем, что они являются обязательными в известных морфологических условиях и обладают своего рода продуктивностью, например, невозможно от существительных с основой на задненебный образовать без замены задненебных шипящими существительных с суффиксом *-к-* или прилагательных с суффиксом *-н-*: нет *дуг-ка*, *рук-ка*, *дорог-ка*, *успех-ный*, *юг-ный*. Продуктивность этих чередований обнаруживается в новообразованиях. Так: «Стрекозы бесшумно перелетали с одной ~~линейки~~ осочки на другую» (Б. Полевой); *крупноблочный*; «В одну из таких ~~минут~~ урывочной работы мысли» (К. Федин). Такие исторические чередования и составляют разряд морфологических чередований, в отличие от тех исторических чередований, которые не имеют в современном языке ни фонетической, ни морфологической обусловленности и являются случайными явлениями (о них будет сказано ниже).

С особой наглядностью обязательность таких чередований демонстрируют факты детской речи, к тому же обнаруживающие самый процесс их становления. У детей младшего возраста (от 2 до 8 лет) сначала наблюдается образование форм и слов без соблюдения чередований, а затем они находят применение в их собственных новообразованиях, не имеющих образца в языке взрослых. Так, чередование задненебных и шипящих: *г — ж*: *т'ил' ёжнѣм* (от *телега*); наоборот: *логу* (от *ложку*); *к — ч*: *аврач'ок* (от *овраг*, вместо *овражек*); *нѣмалѣч'ил* (от *намолил молоко*); *х — ш*: *м'ешибѣк* (уменьшительное от *мех*); наоборот: *д'ир'евѣха* (от *деревушка*). Чередование *т — ч* не соблюдается: *п'ър'литу* (от *перелечу*); соблюдается: *сп'ач'ивѣют* (от *пятят назад*); *ѡ — ж* не соблюдается: *в'ид'у* (от *вижу*); *хѣлажу* (от *холодит*); *ст — ш'ш'* — не соблюдается: *ач'ис'т'у* (от *очищу*); соблюдается: *жыш'ш'у* (от *делаю жестким*)².

Рассмотрение позиционных и морфологических чередований с точки зрения их отношения к морфемам показывает, что их объединяет ряд общих черт и что они занимают пограничное положение между морфологией и фонетикой.

1. И те и другие не связаны с определенными морфемами или их однородными по значению группами; они встречаются в самых разнородных образованиях, а также, как было показано выше, не охватывают целиком известного типа слово- или формообразования, а встречаются в нем лишь частично. Такое их многообразное употребление и является условием того, что те и другие чередования не связаны с грамматическим значением и не представляют полноправных морфологических средств.

Так, позиционное чередование глухих и звонких встречается при соотношении: а) им. падежа ед. числа и прочих падежей: *вос — вѡза, вѡзу. гот — гѡда*; отсутствует: *нос — нѡса*; б) род. падежа мн. числа и прочих падежей: *рос — рѡзы, рѡзм, калѡт — калѡды*, отсутствует: *забѡт — забѡты*; в) краткой формы прилагательного в муж. роде и в других родах: *груп — грубѣ, грубы, праѡ — правѣ*, отсутствует: *глуп — глупѣ*; г) формы прош. вр. в муж. роде и в других родах: *л'ес — л'ѣзла, л'ѣзл'и, стр'ѣк — стр'ѣгла*; отсутствует: *гас — гѣсла*.

Аналогично морфологическое чередование *г — ж, к — ч* употребляется в соотношении: а) существительных без суффикса и с суффиксом уменьшительности *-ок*: а) *берег — бережок, сук — сучок*, отсутствует: *зѣть — зѣтек*; б) существительных и прилагательных с суффиксом *-н*: *снег — снежный, век — вечный*, отсутствует: *железо — железный*; в) при образовании глаголов с суффиксом *-и*: *круг — кружить, порок — порочить*; отсутствует: *забота — заботить*.

2. И те и другие чередования служат дополнительным различительным средством в парадигмах и словообразовательных типах. Так, с одной стороны, в случаях *воск — вѡск-а, дасѡд-а — дасѡд-нѣй, харѡш-ый — хѣраш-ѣт', стуч'ѣ — стуч'-ѣт* основы не участвуют в различении сопоставляемых образований, тогда как в случаях: *моск — мѡзг-а, гр'ас' — гр'ѣз-нѣй, стар-ѣй — стар'-ѣт'* (позиционные чередования), *с'н'ек — с'н'ѣж-нѣй, в'ек — в'ѣч'-нѣй, в'ѣжу — в'ѣд'-ит* (морфологические чередования) различение осуществляется не только флексиями и суффиксами, но и чередованиями звуков в основах, при этом нельзя думать, что морфологические чередования имеют в этом отношении преимущество перед позиционными.

3. Их одинаковая роль в различении подтверждается и одинаковой ролью в ослаблении различения форм. Те и другие чередования обуславливают так называемую «нейтрализацию», т. е. при-

² Подробно вопрос о разных группах исторических чередований в современном языке рассматривается в нашей статье «Роль исторических чередований в современном русском языке» (Р. яз. в шк., 1954, № 1), а также на фактах детской речи в статье «Значение изучения детского языка для языковедения».

Ведут к совпадению различающихся в других условиях звуков, ослабляя различие форм, и даже создают омонимизм целых форм. Так, позиционно обусловленная глухость в конце слова приводит к тому, что в этой слабой позиции совпадает *лук* (*лук* и *луг*), *рос* (*рос* и *роз*), или позиционно обусловленное совпадение в предупредном *а* (*а*) ударных *а* и *о* создает неразличимые *валы* (*валы* и *волы*), так же морфологически обусловленная замена *ч*, *ж* зубных *т*, *д*, *з* приводит к совпадению в 1-м лице глагола *-у* при *вод-ит* и *воз-ит*; *уж-у* при *уд-ит* и *уз-ит*: *сглажу* при *т* и *сглаз-ит*; *леч-у* при *лет-ит* и *леч-ит*. Вообще в 1-м лице в одном *ж* стоят *ж*, *з*, *д* других лиц: *лежу* — *лежишь*, *дрожу* — *дрожишь*, *пораду-у* — *поразишь*, *грожу* — *грозишь*, *гляжу* — *глядишь*, *сижу* — *сидишь*, в этом морфологическом положении невозможны *з*, *т*, *д*.

Как стирается различие звонких и глухих *з* — *с* перед глухими: *наз-бк* — *нас-бк*, но *глас-к'й* — *нас-к'й*, так же стирается различие между шипящими и задненебными перед суффиксом *-н-*, и в этой слабой морфологической позиции появляется только шипящий: *бумаг-а* — *кож-а*, но *буль-а* — *кож-а*, *кож-ный*, *рек-а* — *свеч-а*, но *реч-ной*, *свеч-ной*. Или одинаково стирается различие между твердым и мягким и появляется только мягкий перед *е* (позиционная мягкость): *стол* — *кул'*, но *стал'-е* — *кул'-е* и перед суффиксом прилагательного *-н-* (морфологическая мягкость только *н*): *скал-а* — *вол'-ь*, но *скъл'-нть*, *вол'-нть*. Обычно на нейтрализацию, вызываемую морфологическими чередованиями, не обращается внимания.

Рассмотренные проявления общности позиционных и морфологических чередований показывают их объединение в морфологическом отношении, так как с фонетической точки зрения они разнородны.

От группы морфологических чередований отличны исторические чередования, не ставшие морфологическими. Они являются традиционными и в современном языке представляют чередующиеся группы; с этим связана недостаточная четкость их положения. разные тенденции в их использовании, наблюдается процесс вытеснения и стирания таких чередований. Отношение к морфемам традиционных чередований зависит преимущественно от их положения в парадигмах и от значения морфем, в которых они появляются.

1. Переходную ступень по отношению к морфологическим чередованиям представляют традиционные чередования, объединенные в одной парадигме, более или менее распространенные в ней, но не имеющие обязательности. Таковы беглые *о* и *е* в склонах существительных: *сон* — *сн-а*, *лсб* — *лб-а*, *ров* — *рв-а*, *ложь* — *-и*, *день* — *дн-я*, *пень* — *пн-я*, *пес* — *пс-а*, рядом без чередования: *год* — *год-а*, *блж* — *бж-а*, *мед* — *мед-а*, *полет* — *полет-а*. Благодаря общности значения основ, их объединенности в склонении, а также общности звукового состава основ, за исключением данного чередования, единство вариантов с такими чередованиями поддерживается достаточно отчетливо, но уже не является действующей закономерностью современного языка. Такие чередования характеризуют традиционные (не производные) варианты морфем, еще не обособившиеся один от другого.

2. Чередования, объединенные в одной парадигме, но целиком или значительно разошедшиеся фонетически, так что общность их звуковой стороны оказывается разорванной, создают тенденцию к образованию суффиксальных форм, представляющих разные морфемы. Этот переход в суффиксальные формы наблюдается довольно редко, его примером может служить: основы местоимений *к-ого* — *ч-его*, глаголов *об-ним-ет* — *об-зв-ет*, причастий *ход-исший* — *шед-ший*.

Чередования, ставшие выразителями грамматических значений, движутся в сторону внутренней флексии. Сюда относятся случаи, когда чередования становятся единственными выразителями разных грамматических значений. Например, чередования *к* — *ч*, *х* — *ш*

выражают различие между прилагательным и существительным: *дик* — *дичь*, *горек* — *горечь*, *мелок* — *мелочь*, *сух* — *сушь*, *тих* — *тишь*, *глух* — *глушь*; для превращения в типичную внутреннюю флексию этим образованиям не достает продуктивности. Роль внутренней флексии играет чередование ударных *о* — *а*, служащих для выражения многократности: *ходит* — *хаживал*, *носит* — *нашивал*, *водит* — *важивал*, но роль чередования в этом случае осложняется участием суффикса *-ива-* в выражении многократности.

4. Чередования, создающие расхождения в звуковом составе морфем, характеризующиеся нерегулярностью и наблюдающиеся в морфемах, разошедшихся по значению, вызывают образование на месте одной морфемы двух вполне обособившихся морфем. Сюда относятся случаи: *горло* — *жерло*, *косить* — *чесать*, *трусить* — *трясти*. Так как в этих случаях расхождения в звуках проявляются не в одной морфеме, то их с современной точки зрения нельзя относить к чередованиям.

5. Чередования, деформирующие звуковой состав морфемы, вызывающие отрыв от других ее вариантов, а кроме того, не обеспечивающие разграничения данной морфемы с соседними морфемами, приводят к разрушению морфологической членимости слов и вызывают опрощение. Так, в результате выпадения *в* после *б* в приставке разошлись варианты корней *воз* — *оз*, *вод* — *од*, *ворот* — *орот*, и произошло упрощение в словах *обоз* (ср. делимость слов *привоз*, *завоз*, *отвоз*), *обод* (ср. *провод*, *вывод*, *узд*), *оборот* (ср. *поворот*, *заворот*).

Таким образом, традиционные исторические чередования в отличие от морфологических чередований, не нарушающих единства морфем, создают те или иные препятствия для сохранения единства морфем и во многих случаях приводят к возникновению разных морфем на месте ранее единой морфемы.

На основе сделанного рассмотрения можно представить роль звуковой стороны для единства морфем в следующей схеме.

I. При едином значении

1. Единая морфема, в зависимости от общности звуковой стороны:

А. С неизменным звуковым составом: *сок* — *сок-у*; *спор* — *спор-ный*; *дуб-ов-ый* — *сад-ов-ый*; *слов-ѣм* — *дом-ѣм*.

Б. С регулярными (продуктивными) чередованиями: а) позиционными: *глас* — *глас-у*; *гот* — *гад-ѣж*; *дуб-ѣв-ый* — *гѣд-ав-ѣй*; *стал-ѣм* — *слѣз-ѣм*; *скал-ѣ* — *скал'-ѣ*; б) морфологическими: *сок* — *соч-ный*: *фуѣбѣл* — *фуѣбѣл'-нѣй*; *мѣх-а* — *мѣш-ка*; *с'иж-ѣ* — *с'ид'-ѣт*.

В. С включением в морфему внутренних флексий: *ѣ'ик* — *ѣ'ич'*; *б'ел* — *б'ел'*; *за-тѣч'-ит* — *за-тѣч'-ивѣл*.

2. Переходная группа. Фонетические варианты морфем, объединенные в одной парадигме, имеющие традиционные чередования: *сон* — *сн-а*; *т'ем'* — *т'ѣм-нѣй*; *н'ос* — *нѣс'-ит*.

3. Разные морфемы в зависимости от расхождений звуковой стороны:

А. Сопилетивные формы, объединенные в одной парадигме: а) разошедшиеся из одной морфемы: *к-авѣ* — *ч'-ѣвѣ*; *хад'-ѣвшѣй* — *шѣт-шѣй*; *жм-у* — *жа-л*; б) разные по происхождению: *ч'ывав'ѣк* — *л'ѣѣ'-и*: *м-ы* — *н-ѣм'и*; *плаж-ѣй* — *хѣж-ѣ*.

Б. Синонимичные морфемы (корни, суффиксы, флексии) в разных парадигмах: *с'м'ех* — *хѣхѣт*; *глас* — *ѣк-ѣ*; *аткрѣ-т-ѣй* — *ч'ѣтѣ-нн-ѣй*; *рад'ѣст-к-а* — *кас'ѣр-ш-а*; *стал-ѣм* — *рук-ѣй*.

В. Морфемы, потерявшие самостоятельность и вошедшие в состав других морфем: *обѣз-ы* — *при-вѣз-а*; *в'ес'т'* — *в'ѣд-ѣт'*.

II. При разных значениях

Разные морфемы при любом соотношении звукового состава, начиная с тождества до полного расхождения:

а) при тождественном звуковом составе (омонимичные корни, суффиксы, флексии): *лук* (орудие) — *лук* (овощ); *лож-ный* — *лож-е*; *р'еч'-ист-ый* — *р'еч'-ист*; *гар-а* — *стал-а*; *п'иш-у* — *кърндаш-у*;

б) при позиционных чередованиях: *лук* (овощ) — *луг-а*; *мор* — *мар-а*; *пол* — *нал'-ей* (полей);

в) при расхождениях, аналогичных историческим чередованиям: *дарбж-а* — *дарбж-ъ*; *брак* (в производ.) — *брак'-ный*; *уж-у* (*удит*) — *уж-ат*;

г) с разными расхождениями, не имеющими аналогии в чередованиях: *мак* — *мал*; *мак* — *мор*; *мак* — *рок*; *мак* — *мрак*;

д) при полном расхождении: *мак* — *дол*; *стул* — *роф*; *зуб-ок* — *трък-ист*; *стал-у* — *куст-ам*.

*

Выяснив общие фонетические условия, необходимые для выделения морфем, для их разграничения и единства — наличие звукового состава, диапазон изменений и чередований звуков, необходимо остановиться на том, как эти общие условия отражаются на конкретных морфемах. Конечно, следует характеризовать те факторы и условия, которые имеют более или менее широкое приложение. При решении этого вопроса также можно исходить из понятия морфемы, а именно учитывать, в каких звуковых вариантах бытует в языке единая морфема. В основном выяснению подлежит то, что способствует сохранению неизменности звукового состава и чем, наоборот, вызывается его изменяемость. Условия, определяющие такую устойчивость или подвижность звукового состава морфем, разнообразны и разнородны; они частью морфологического, частью фонетического характера.

Общим условием, от которого зависит неизменность или изменчивость звукового состава морфем, является ее употребление, с одной стороны, в одних и тех же морфологических положениях, с другой — в разных положениях. В первом случае не возникает потребности к какому-либо приспособлению морфемы к другим морфемам, и со стороны последних нет воздействия на звуковой состав этих морфем. Это изолированные морфемы, обычно находящие место в целом слове, не входящем в словообразовательное гнездо, например, все звуки слова *очень* (*бч'ьн'*) не допускают ни фонетических, ни морфологических чередований. В таком же положении находится слово *вон*, междометия *ба*, *увы*, *ого* (*оγο*). Такие случаи редки.

Изменяемость же звукового состава морфем связана с тем, что морфемы, как правило, взаимосвязаны и их звуковой состав в известной мере зависит от их сочетания с теми, с которыми они объединяются в словах. Чем разнообразнее эти объединения, тем больше возможностей для подвижности звукового состава. Поэтому с особой полнотой изменяемость звукового состава проявляется в морфемах, находящихся при применении в обширных словообразовательных гнездах и разветвленных парадигмах. Так, корень *кос-*, употребляемый в словах и формах *кбс-ы*, *кас-а*, *каз'-ба*, *кас'-ит'*, *каш-у*, *бы-кыш-у*, обладает широким диапазоном фонетических и морфологических чередований. То же корень *вяз-* в образованиях: *с-в'аз-ный*, *с-в'ас-ка*, *в'е"з-ат'*, *в'аж-ът*, *в'е"ж-ы*.

С морфологическими условиями связаны, как указывалось, морфологические чередования, которые являются обязательными в определенных типах словообразования и формообразования, например, чередование *зубных* и *шипящих* находит место в образованиях: 1) а) глаголов с суффиксом *-а-*: *укра-с-ить*, *украш-ать*, *отраз-ить* — *отраж-ать*; б) страдательных причастий прошедшего времени: *украш-енный*, *отраж-енный*;

в) формы 1-го лица: *украш-у, отраж-у*; 2) отглагольных существительных с суффиксом *-ени-*: *украш-ение, отраж-ение*. В подобных случаях проявляется то, что последующие морфемы оказывают влияние на звуковой состав предыдущих, вызывая чередования, не определяемые фонетическими причинами.

Фонетические изменения звуков, как известно, вызываются действующими фонетическими законами, в зависимости от которых разным позициям свойственны различные звуки, но для того чтобы в одной морфеме оказалось чередование звуков разных позиций, необходимо, чтобы морфема употреблялась в разных морфологических условиях. Это и получает выражение в сочетаниях с разными морфемами и в особенностях их сочетаний, например, чередование звонких и глухих возникает, когда, с одной стороны, морфема *губ-* сочетается с морфемами, начинающимися гласными или сонорными (*губ-а-, -ы, губ-ной*), с другой — с морфемами, начинающимися глухим (*гуп-ка, гуп-ч'ьт'ый*); чередование безударных и ударных гласных наблюдается, когда ударение перетягивается с одной морфемы на другую: *пол-ет — пол-й — вы-пол-и* (*п'ол'ьт — пал'й — вып'ол'и*) — поэтому позиционные чередования вызываются совместным действием фонетических и морфологических условий.

Фонетические (позиционные) чередования ограничиваются разными условиями морфологического и фонетического характера. Так, диапазон позиционных чередований подвергается ограничению в зависимости от положения морфем в слове. Это связано с тем, что чередования ударных и безударных гласных осуществляются в пределах слова и их исходным пунктом служит ударный слог. Поэтому морфемы, употребляемые в начале слова и включающие первый слог, не могут иметь чередований ударного и заударного гласного, а ограничиваются чередованием ударного и предударных гласных (*пб-д'эл — п'л-д'ам' — п'б-д'ам'т'*), наоборот, морфемы, употребляемые в конце слова, включающие последний слог слова, не могут иметь чередований ударного и предударного гласных, а только ударного и заударных (*стал-ом — п'ол-ом; ид'ош — б'бр'-ш*).

Изменчивость звукового состава морфем проявляется неодинаково в зависимости от положения звуков в морфеме. Звуковые законы русского языка таковы, что большей устойчивостью обладают звуки, находящиеся не в конце морфемы. Это относится к согласным, подверженным ассимиляциям и оглушению в конце слова. Согласные, находящиеся перед гласными внутри морфемы, остаются неизменными, так как за ними не могут появляться звуки, вызывающие ассимиляции. Так, с в *сам, с'ды, с'д'авот* остается без изменения, так же *п'* в *п'ам', п'е'т'ок, п'ьт'ч'ок*. Неизменными остаются и группы согласных, расположенные перед гласными: *пл* в *пл'атн'ый, плт'йт', пл'т'е'жы, ст* в *стол, ст'лы, ст'л'ващ'ь*. Одни из них остаются всегда в сильной позиции (*сам, п'ам', пл'атн'ый*), другие всегда в слабой позиции (*стол, д'ет, с'м'ех*). Наоборот, согласные в конце морфемы оказываются перед разными звуками, вызывающими ассимиляции: *з* в приставке *из-*: *из-уч'йл, ис-кр'ш'ыл, из-ж'ыл, иш-ш'рк'ыл, иш'-ч'е'вр'т'ыл*, а также перед передними гласными, вызывающими смягчение: *ст'л'лы — ф ст'л'л'е, ст'б'л'ик*. Таким образом, в отношении согласных внутренняя часть морфем перед гласным характеризуется непроницаемостью. Изменчивость гласных, как указывалось выше, не зависит от их положения внутри или в конце морфемы; ср. чередования *а — я* — *ъ* в корне *стар*: *стар — ст'ар'йк — ст'ър'ик'а* и в корне *да-*: *дал — д'вал — выд'ал*.

Таков ряд морфологических и фонетических условий, определяющих неизменность или изменчивость звукового состава конкретных морфем; без учета этих условий характеристика звуковой стороны определенных морфем не может быть достаточно точной.

В заключение следует отметить, что предлагаемое решение вопроса о звуковой стороне морфем, исходящее из понятия морфемы, отлично от

в к его освещению с фонологических позиций, когда исходным берется или понятие фонемы по теории вариантов или понятие го ряда. Такие подходы, при которых берется внешнее для морфем-
ванце, с одной стороны, оставляют без рассмотрения ряд существ-
явлений, непосредственно относящихся к данной проблеме (исто-
ские чередования), с другой — предвзято объясняют отношение мор-
фем к звуковой стороне (положение, что материалом построения морфем
ются фонемы по теории вариантов)³.

19 декабря 1959 г. скончался известный языковед Александр Николаевич Гвоз-
ев. Он родился в с. Сивини Краснослободского уезда Пензенской губернии (ныне
Мордовская АССР). Окончив в 1918 г. Московский университет, А. Н. Гвоздев начал
педагогическую деятельность в Пензе; 20 лет он был учителем-словесником в пензен-
ских школах и педагогическом техникуме. Уже в этот период А. Н. Гвоздев ведет
важную научную и методическую работу. В Пензе им создан ряд ценных трудов
по диалектологии, методике преподавания русского языка, по изучению детской речи.
Расцвет научной деятельности А. Н. Гвоздева связан со временем работы в Куй-
бышевском педагогическом институте (с 1938 по 1959 г.). В 1943 г. А. Н. Гвоздев защи-
тил докторскую диссертацию «Формирование у ребенка грамматического строя рус-
ского языка» (в 1949 г. она опубликована в двух частях Издательством Академии
педагогических наук РСФСР). В 1945 г. А. Н. Гвоздев был избран в члены-коррес-
понденты Академии педагогических наук РСФСР.

В период работы в Куйбышевском педагогическом институте А. Н. Гвоздевым
созданы такие фундаментальные труды, как «О фонологических средствах русского
языка» (1949), «Основы русской орфографии» (4 издания, 1-е — в 1947), «Очерки по
стилистике русского языка» (1-е издание в 1952, 2-е — в 1955). Большой известностью
пользуется вышедший в 1958 г. двухтомный вузовский курс А. Н. Гвоздева «Совре-
менный русский литературный язык», а также выдержавший несколько изданий
«Сборник упражнений по современному русскому языку». Оба пособия выросли из
экскурсионных курсов и практических занятий, проводившихся А. Н. Гвоздевым в
Куйбышевском педагогическом институте

Печатные труды А. Н. Гвоздева широко известны и за рубежом, в братских со-
циалистических странах. Книга А. Н. Гвоздева «Очерки по стилистике русского язы-
ка» в 1959 г. издана в Китайской Народной Республике в переводе на китайский язык.
Научная деятельность А. Н. Гвоздева характерна широтой научных интересов, неутоми-
мостью в разработке новых проблем, принципиальность и настойчивость в отстаивании
своих взглядов.

В. А. Малаховский
(Куйбышев)

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. Н. ГВОЗДЕВА

1. Опубликованные работы

1. «Анкета для собирания сведений о говорах Пензенской губернии», Пенза, 1923.
2. «Типы великорусских говоров Пензенской губернии», «Труды Пензенского
общества любителей естествознания и краеведения», вып. VI, 1925.
3. Рецензия на кн.: Н. Н. Дурново, Повторительный курс грамматики
русского языка, вып. 1, 1924, «Родной язык в школе», вып. 8, Л., 1925.
4. «Иллюстрирование в наблюдениях над языком», сб. «Родной язык в школе»,
Л., 1926.
5. «О методе ведения наблюдений над языком», журн. «Просвещение», Пенза, 1926,
№ 5—6.
6. «Описание говора села Ушинки Спасского уезда Пензенской губернии», «Труды
научной комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, Л., 1927.
7. «Говор села Сивини Краснослободского уезда Пензенской губернии», там же.
8. «Усвоение ребенком родного языка», сб. «Детская речь», М., 1927.
9. «Значение изучения детского языка для языковедения», «Родной язык и лите-
ратура в трудовой школе», 1928, №№ 3, 4—5.

³ Рассмотрению фонологических подходов в решении вопроса о звуковой стороне
морфем посвящены мои статьи: «К вопросу об отношении фонетики к морфологии»
и в основу статьи А. А. Реформатского «О соотношении фонетики и грамматики (мор-
фологии)», сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955 и «Вопросы фонетики.
Три типа транскрипций», ВЯ, 1958, № 6.

9. «Наблюдение над языком маленьких детей», «Русский язык в советской школе», 1929, № 5.
10. «Согласование глагола с глаголом», там же, 1930, № 2.
11. «Как отразится на ошибках учащихся реформа орфографии по проекту Главнауки?»⁴, там же, 1930, № 5.
12. «К вопросу о реформе орфографии», там же, 1931, № 1.
13. «О взаимоотношении разных элементов в орфографии», там же, 1931, № 4.
14. «Орфография как система», «Литература и язык в политехнической школе», 1932, № 4.
15. «К вопросу о роли чтения в усвоении орфографии», «Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 4.
16. «Динамика ошибок на проработанные и непроработанные орфограммы», сб. «Вопросы орфографии в школе», М., 1936.
17. «Словообразование в русском языке», сб. «Русский язык и литература в средней школе», Куйбышев, 1940.
18. «Инструкция к „Вопроснику для составления диалектологического атласа русского языка“», Куйбышев, 1939.
19. «Говор западной части Вадского района Пензенской области», «Уч. зап. [Куйбышевск. пед. ин-та]», вып. 5, 1942.
20. «Основные линии формирования у ребенка морфологической системы русского языка», там же, вып. 7, 1943.
21. «Усвоение ребенком звуковой стороны родного русского языка», там же, вып. 8, 1947.
22. «Основы русской орфографии», М.—Л., 1947.
23. «Сборник упражнений по современному русскому языку». М.—Л., 1947. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
24. «Краткий отчет о диалектологической экспедиции в Безенчукский район Куйбышевской области в июле 1945 г.», «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка [АН]», вып. 1, М.—Л., 1947.
25. «Заметка о говоре с. Тихонова б. Ягодинской волости Судогодского уезда Владимирской губ.», там же, вып. 2, 1948.
26. «К вопросу о влиянии междиалектного общения на фонетические системы русских говоров», ИАН ОЛЯ, 1948, вып. 3.
27. «Таблица типов аканья и яканья», «Бюллетень Куйбышевского межобластного кабинета атласа русского языка», вып. 1, 1948.
28. «Усвоение ребенком звуковой стороны русского языка», М.—Л., 1948.
- 28а. «Краткие сведения о говорах Земетчинского и Вадского районов Пензенской обл.», «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка [АН]», вып. 4, 1948.
29. «О пределах действия звуковых закономерностей в русском языке», «Уч. зап. [Куйбышевск. пед. ин-та]», вып. 9, 1948.
30. «О фонологических средствах русского языка», М.—Л., 1949.
31. «Формирование у ребенка грамматического строя русского языка», ч. 1, М., 1949.
32. То же, ч. 2, М., 1949.
33. «Два говора одного села (село Канаевка Городищенского района Пензенской области)», сб. «Материалы и исследования по русской диалектологии [Ин-та русского языка АН]», т. 1, 1949.
34. «Говор с. Канаевки Безенчукского района Куйбышевской области», там же, т. 2, 1949.
35. «Основы русской орфографии», 2-е доп. и испр. изд., М., 1950. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
36. «Сборник упражнений по современному русскому языку», 2-е испр. и доп. изд., М., 1950. Допущено Министерством высшего образования для университетов и пед. ин-тов.
37. «Стилистическое использование имени прилагательного». «Р. яз. в шк.», 1950, № 4.
38. «К расцвету советского языкознания», ИАН ОЛЯ, 1950, вып. 1.
39. «Стилистическая роль местоимений», «Р. яз. в шк.», 1950, № 6.
40. «Вопросы современной орфографии и методика ее преподавания», сб. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию...», М., 1951.
41. «Основы русской орфографии», 3-е доп. изд., 1951. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
42. «Очерки по стилистике русского языка», М., 1952. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
43. «О фонологии „смешанных“ фонем», ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1.
44. «Сборник упражнений по современному русскому языку», 3-е испр. и доп. изд., 1953. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)

⁴ Написано совместно с К. Н. Гвоздевой.

15. «Роль исторических чередований в современном русском языке», «Р. яз. в шк.», 1954, № 1.
16. «Основы русской орфографии», 4-е изд., М., 1954. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
17. «О соотношении форм несовершенного и совершенного видов», «Р. яз. в шк.», 1955, № 2.
18. «Очерки по стилистике русского языка», 2-е испр. и доп. изд., 1955. (Рекомендуется в программах по русскому языку для пед. ин-тов.)
19. «Местомещение», «Уч. зап. [Куйбышевск. пед. ин-та]», вып. 13, 1955.
20. «К. С. Станиславский о фонетических средствах языка. Лекция для учителей», М., 1957.
21. «Обладают ли позиции различительной функцией?», ВЯ, 1957, № 6.
22. «Современный русский литературный язык», ч. I — «Фонетика и морфология», М., 1958. Учебное пособие для пед. ин-тов.
23. «Современный русский литературный язык», ч. II — «Синтаксис», М., 1958. Учебное пособие для пед. ин-тов.
24. «Вопросы фонетики. Что дают три типа транскрипций?», ВЯ, 1958, № 6.
25. «О звуковом составе морфем», сб. «Материалы III Межобластной конференции кафедр русского языка пед. вузов Поволжья», Куйбышев, 1959 (тезисы доклада).
26. «К вопросу о фонеме», сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка. Труды Первой научной конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья», Саратов, 1959.
27. «О звуковом составе морфем», (ВЯ, 1960, № 3).
28. «Практическое значение фонологии по поводу статьи А. А. Реформатского „Обучение произношению и фонология“», «Научные докл. высш. Шк. Филол. науки» (Серия ФН), 1960, №2.

2. Рукописи (архив)

1. «Вопросы изучения детской речи» (печатается в Изд-ве Академии пед. наук РСФСР).
2. «Об основах русского правописания» (печатается в Изд-ве Академии пед. наук РСФСР).
3. «Современный русский литературный язык», ч. I — «Фонетика и морфология» (готовится в Учпедгиз 14 дек. 1959 г.).
4. «Современный русский литературный язык», ч. II — «Синтаксис» (готовится к печати).
5. «Диалектологический атлас Пензенской области» (24 карты).
6. «Словарь Жени Гвоздева до двух с половиной лет» (40 стр.).
7. «Дневник развития речи Жени Гвоздева» (400 стр.).
8. «Опыт экспериментального изучения усвоения орфографии» (170 стр.).
9. «О понятии „фонема“ у Бодуэна де Куртене» (13 стр.).
10. «К вопросу об основном принципе русской орфографии» (24 стр.).
11. «К вопросу о развитии и формировании словосочетаний» (печатается в сб. «Вопросы культуры речи», вып. 3) (8 стр.).
12. «Об одной разновидности относительного употребления будущего времени» (печатается в сб. «Вопросы культуры речи», вып. 3) (12 стр.).
13. «Создатели алфавитов и фонология» (8 стр.).
14. «К вопросу об отношении фонетики к морфологии» (31 стр.).
15. «Об одной проблеме стилистики (случай стилистической дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка)» (23 стр.).
16. Незаконченная статья: «Что важнее при изучении русского языка в национальной школе — ознакомление с морфологическим составом или словообразованием» (написано 8 стр.).
17. «О различии морфологического членения слов в системе языка и у отдельных представителей этого языка» (2 стр.).
18. «Тезисы учения о фонемах, иллюстрируемые посредством буриме (несерьезно-шутливо)».